

Ирина Кесседи

САМОЗВАНЕЦ

Ирина Кэсседи

Самозванец

«Издательские решения»

Кэсседи И.

Самозванец / И. Кэсседи — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908405-7

История неизбежно повторяет себя в основных чертах. Так, в «Самозванце» две сюжетные линии разворачиваются и переплетаются в России в двух исторических эпохах — XVII веке, в период Смутного времени, и в современной, отчасти утопической России. Сквозь призму восприятия двух основных персонажей, таких непохожих друг на друга, разворачивается захватывающая, неповторимая детективная история. Случайно ли свела их судьба?

ISBN 978-5-44-908405-7

© Кэсседи И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Самозванец

Ирина Кэсседи

© Ирина Кэсседи, 2018

ISBN 978-5-4490-8405-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей семье с любовью.

Глава 1

«Спасибо, что воспользовались услугами нашей авиакомпании», – с натушной доброжелательностью поблагодарил пассажиров механический голос. Подталкиваемый в спину острым кулачком пожилой дамы, возле которой ему пришлось отсидеть восемь часов полета из Нью-Йорка в Москву, он покинул спартанский салон эконом-класса. «Cheapskates¹», – еще раз помянул он работодателей недобрым словом.

Знаменитый хайтековский дизайн международного аэропорта Шереметьево, приглушенное мягкое освещение и, самое главное, избавление от соседки, изводившей его всю дорогу рассказами о детях и внуках, почти мгновенно примирили его с жизнью и улучшили настроение. Он пристроился в хвост очереди для прохождения пограничного контроля и принялся смотреть по сторонам, разглядывая свою первую московскую достопримечательность изнутри и вбирая в себя первые впечатления.

Все же интересно, думал он, как трансформируются наши представления о ранее не виденном, после того как образ, существующий до того только в нашем воображении, сталкивается с суровой, или даже наоборот, более светлой, чем представлялось, реальностью. Эта настоящая, а не выдуманная реальность не сразу, не в клочья, а очень постепенно размывает этот самый образ, как избыток воды размывает первоначальные очертания какой-нибудь акварели. Его всегда удивляло, как часто, к примеру, голос человека, с которым никогда не встречался лично, а только говорил по телефону, может категорически не совпадать с его внешностью и поражать при встрече своей неуместностью и как бы даже непринадлежностью хозяину. Иногда это даже огорчало его, как огорчает неожиданно вскрывшийся незаслуженный и бессмысленный обман. То же самое бывало с его представлениями о городах и странах, которые он наконец видел своими глазами. Чаще всего, надо признать, они оказывались красивее или, по крайней мере, интереснее, чем избалованное впечатлениями воображение рисовало ему. Изредка разочаровывали, и еще реже реальный их облик совпадал с его первоначальными о них представлениями.

Едва приземлившись в аэропорту, он понял, что это как раз один из тех редких случаев. Полуторачасовая очередь на границе, красивые как на подбор, но неразговорчивые девушки-пограничницы, тщательнейшим образом проверившие его документы и взявшие отпечатки пальцев, затем таможенники, перетряхнувшие весь его багаж, и напоследок очень серьезные молодые люди в камуфляже, украшенном эмблемами с изображением Георгия Победоносца на рукавах и спине, по всей видимости, исполняющие функции полиции, – весь этот неласковый прием попытался было вдребезги разнести сиропный образ родины, пастельными тонами набросанный для таких, как он, глянцевым журналом «Russia», аккуратным подписчиком которого он являлся вот уж сколько лет. Аккурат с того времени как вздумалось ему начать ошущать себя «этническим русским». Однако Денис устоял.

«Эра терроризма, ничего не поделаешь, – объяснил он себе, – А где сейчас встречаются с распростертыми объятиями?» Благодаря аутотренингу он легко стряхнул этот пустяковый негатив со своих первых впечатлений, не давая налипнуть на них чувствам, как досадной, но неизбежной сентябрьской паутине. Ведь кроме развлекательного журнала не чурался он также и более серьезных информационных телевизионных каналов, таких как BBC, MSNBC и CNN. Рисовать романтически-героический образ чужой родины-матери по понятным причинам не входило в их задачи. Будучи достаточно объективным и трезвым человеком, он понимал, что так это и бывает в основном в жизни: истина где-то посередине. Зато такой шикарный аэропорт еще поискать! А метрополитен, говорят, так и вообще восьмое чудо света.

¹ Крохоборы (англ.)

Ему было непросто получить назначение в новую англоязычную газету Moscow Age, только что профинансированную издательским домом, где он верой и правдой прослужил без малого 5 лет. Он любил думать по-русски и именно такими слегка устаревшими выражениями, которыми изъяснялась его покойная ныне бабушка. Думать таким образом было дольше, чем по-английски, но заметно приятнее, потому что: во-первых, он ощущал себя причастным к давно ушедшей эпохе, послевоенному двадцатому веку, который дал корни ему самому. Во-вторых, это давало ему право гордиться собой как человеком, выучившим чужой язык уже не ребенком, а взрослым, ну допустим, не совсем взрослым, но сознательным подростком, который поставил перед собой трудную цель – и достиг ее. Безусловно, ему очень помогла в этом бабушка, весьма удивленная его неожиданно проснувшимся интересом к языку и истории предков. По крайней мере, бабушкиных предков. Не баловавший бабушку частыми посещениями внуков (как, впрочем, и остальные внуки) вдруг начал наезжать к ней в ее маленький домишко чуть не каждый день за уроками русского языка и рассказами о ее довоенной жизни в России, в один летний день буквально расколотой вдребезги вторжением немцев и последующим интернированием; о тяжелых работах в Германии, освобождении союзниками, встрече с дедом-сержантом из Южной Дакоты и отплытии в далекую сельскую Америку не столько по большой любви, сколько от страха перед еще одним трудовым лагерем, но уже на далекой, любимой, но такой неласковой родине.

Бабушкин прагматизм одержал над русской сентиментальностью и ностальгией не то чтобы очень скорую, но вполне решительную победу. Бабушка сознательно отставила в сторону все охи и ахи по поводу тяжестей эмигрантской судьбы, чужбины-мачехи и тоски по тихим закатам на Оке и занялась обустройством своей новой жизни. Война только закончилась, у всех хватало своих бед и забот, и при всем желании, которого, впрочем, ни у кого не было, кукурузный край не мог предоставить ей адекватной аудитории. Родом из Калуги, в которой до войны учительствовали ее родители и где сама она, пойдя по их стопам, окончила немудрящее местное педучилище, бабушка, хотя и носила царственное имя Августа, была тем не менее не избавлена обилием очагов культуры и развлечений, а потому и не гневила судьбу жалобами на простую полусельскую жизнь провинциального городишки в пятидесяти милях от номинальной столицы штата – не менее провинциального города Пьер, куда забросила ее судьба и корабль «Джордж Вашингтон», доставивший ее в Америку вместе с молодым мужем и сотней других веселых демобилизованных джи айз².

«Жива – и слава Богу,» – думала она, аккуратно перекрестившись, каждый раз, когда наваливались тяжелые думы. Куда же без них, после такой-то страшной войны. Она и приучилась молиться только во время войны, до войны была она, как и все ее сверстники, убежденной и бескомпромиссной атеисткой. Война это быстро поправила. Из всей семьи уцелела она одна: мать погибла под бомбежкой, на отца и старшего брата еще в самые первые месяцы пришли похоронки, вот и выходило, что и захоти она вернуться, не к кому было бы: никто ее там больше не ждал. А уж как дома обошлись с теми, кто вернулся из плена да с принудительных работ в Германии, ей регулярно рассказывали в новостях по радио: уже ясно чувствовалось ледяное дыхание новой, Холодной войны. Поди проверь, правда ли, нет ли, а береженого Бог бережет. Закрывать рот на замок и помалкивать было лучшим решением в ее случае.

Осмотревшись да подучив язык, устроилась она на работу в местный детский сад воспитательницей. Туда же со временем стала брать и своих троих погодков. Муж оказался добродушный, непьющий и работающий. Одним словом, жизнь сложилась в общем-то неплохо, грех жаловаться.

² GI – galvanised iron или government issue (англ.), сокращение для обозначения солдата-призывника

В лице подросткового Дениса, младшего внука, наконец-то нашла она на старости лет благодарного слушателя, с которым охотно делилась воспоминаниями о далекой российской молодости и о пережитом, шутка ли, более полувека тому назад.

По окончании школы, правда, слушатель незамедлительно отбыл в более цивилизованные края, а именно в город Нью-Йорк, в Колумбийский университет, изучать искусство журналистики. Изначально планы у него были другие, мальчишески-героические: видел он себя ни больше ни меньше суперагентом ФБР, вот и надумал увеличить свои шансы быть принятым в ряды легендарной организации знанием языка и культуры великого коммунистического противника, но потом блажь прошла, а интерес к стране и истории остался. С той уже достаточно далекой поры приобрел Денис привычку объяснять свою частую непредсказуемость и удивительную беспечность текшей в его жилах недисциплинированной русской кровью, раздражая этим подходом остальных членов своей семьи, обладающих набором аналогичных генов, не отягощенных, однако, при этом Денисовыми пороками.

В зале прилета его мгновенно окружили напористые таксисты, о которых он был заранее предупрежден, что на самом деле это не просто таксисты, а члены экзотической полумафиозной таксистской группировки, вполне легализованной и с какой-то неясной целью охраняемой муниципальной полицией, и поэтому ставшей чем-то вроде еще одной туристической достопримечательности столицы. Достопримечательность была, впрочем, не вполне безопасной, но ведь и сицилийская мафия, к примеру, небезопасна. А что, в конце концов, за Сицилия без мафии? Аналогия показалась Денису справедливой. Он уверенно отодвинул таксистов плечом и, отбив у них свои чемоданы, самостоятельно потащил их к выходу из аэропорта. Надо признаться, что уверенность его объяснялась исключительно тем, что в аэропорту его должны были встречать. Наслышанный о том, как ни о чем не подозревающие пассажиры порой так и не доезжали до места назначения, либо навеки исчезнув в подмосковных лесах, либо в лучшем случае очнувшись там же, но уже без бумажника и чемодана, Денис заранее принял разумные меры предосторожности.

Его действительно встречали. У самого выхода скромно стоял очень молодой человек («очень» – потому что казался еще моложе Дениса, которому самому-то едва исполнилось двадцать восемь). Молодой человек держал в руках табличку с его именем, крупно напечатанным по-русски: Денис Эллиот. Вид собственного имени, напечатанного русскими круглыми буквами, почему-то очень понравился Денису: выглядело необычно, но очень привлекательно, округло-завершено. Он мысленно произнес его так, как его прочитали бы здесь: Де-нИс ЭллиОт. Сдвинув ударения, он получил новое имя, и значит, должен постараться ему соответствовать. Он не будет самонадеянным эгоцентричным америкосом, – знал, знал Денис о ксенофобии и антиамериканизме, почитывая русскую прессу в Интернете, «Господи, спасибо тебе за Всемирную Паутину, лучшего гаранта Первой Поправки к Конституции!», – он постарается влиться и стать своим, чтобы лучше узнать свою вторую родину и, может, помочь ей, если нужно. Ну что поделать, Денис действительно грешил некоей сентиментальностью и склонностью к романтической героике... Это все вредила бабушкина наследственность.

Очень молодой человек оказался Сергеем, редакционным водителем. Одет он был во все черное: черные джинсы, черный свитер, черная кожаная куртка.

«Наверное, мода такая, – подумал Денис, обратив внимание, что большая часть мужского населения, представленного в аэропорту, была одета аналогично. – Надо будет тоже купить себе что-нибудь черненькое, чтобы не выделяться. Возможно, это эстетическое отражение приущего нордическому русскому характеру мачизма...» В его чемоданном гардеробе имелся только один подходящий аксессуар нужного цвета, а именно черная шапка-ушанка, купленная им на всякий случай в интернет-магазине для охотников и рыбаков. Однако в аэропорту подобных шапок он не заметил, хотя на дворе стоял февраль, да и в ослепительном зале прилета они смотрелись бы весьма и весьма неуместно. *Totally out of place.* «Пока надевать

не буду», – решил он. И очень правильно сделал. Ни вдоль «трассы», как выразился Сергей, ни уж тем более в черте города подобных головных уборов не водилось. Видимо, и здесь, или уж по крайней мере в столице, они прочно переместились в разряд охотничье-рыболовной амуниции, с огорчением отметил про себя Денис. Если так пойдет и дальше, скоро в мире не останется никакой экзотики. Все будут одеты в стандартную одежду, произведенную по единым итальянским лекалам трудолюбивыми китайскими швецами.

Был уже вечер, и поэтому ехать в редакцию не было никакого резона. Денис был этому чрезвычайно рад, потому что восьмичасовой перелет плюс двухчасовая очередь на границе неожиданно сильно утомили его. Все, что ему сейчас хотелось, это принять горячий душ и завалиться спать. Квартира, которую предоставила ему редакция, находилась в двух шагах от метро «Чистые пруды». Шикарное место, как сказал ему Сергей. Сам Сергей жил вместе с родителями за кольцевой дорогой, «у черта на рогах». «Это в пригороде?» – уточнил Денис. «Вроде того, – неопределенно ответил Сергей. – Ехать далеко, так я часто ночую прямо в офисе. Спасибо, шеф разрешает». Денис кивнул и стал смотреть в окно. Они были уже в самом центре города, который сиял и переливался разноцветными огнями вывесок и рекламы, как одна большая новогодняя елка. Впрочем, на дворе стоял февраль.

– Как в Лас-Вегасе, – заметил он вслух.

– Не знаю, не был, – откликнулся Сергей. – Но у нас тут не хуже, это уж точно.

– Красота какая, – не унимался Денис. – Фейерверк, а не город!

– Нефть, – коротко пояснил Сергей. – А потом, Москва – это не совсем Россия. Поживешь здесь – сам увидишь.

Чтобы попасть в казенную квартиру, пришлось преодолеть: бронированную дверь в подъезд, оснащенную домофоном и видеокамерой, двух охранников устрашающего вида («вполне возможно, что и вооруженных», – опасливо подумал Денис) и аналогичную подъездной вторую бронированную дверь в квартиру номер девять, где ему предстояло жить ближайшие три года, предписанные контрактом.

– В Москве по-другому нельзя, особенно в центре, – успокоил его Сергей. – Богатым приходится принимать меры предосторожности. Да ты не волнуйся, здесь не опасней, чем в Нью-Йорке или Париже. Может, даже безопаснее, потому что всякую гольтьбу сюда больше не допускают, – похвастался он с гордостью.

Казенное жилье оказалось большой двухкомнатной квартирой, чистой и уютной. Дениса удивили высоченные потолки с лепниной. «Вот так у нас раньше строили», – гордо заметил Сергей, помог внести в комнату вещи и ушел, пообещав завтра заехать за ним и подбросить на работу.

– Вообще-то тут пешком десять минут, ну да первый раз ты в этих переулках точно заблудишься.

Щелкнул замок, дверь захлопнулась, и Денис остался один.

С удовольствием снял обувь, разделся, покидав одежду на коричневый кожаный диван. Заметив, что с ботинок на паркет натекает грязная лужица, метким движением выбросил их в прихожую. Прошел в ванную комнату, с наслаждением встал под горячие, упругие, точно резиновые струи воды. Долго-долго стоял, ни о чем не думая, подставляя под душ то голову, то плечи, как когда-то в детстве, занимая ванную до тех пор, пока кто-то из сестер не начинал колотить в дверь ногой.

Одевшись в удобную домашнюю одежду, которую ловко вытащил из чемодана – остальное разберет потом, – вскипятил воду в электрочайнике, заварил быстрорастворимый кофе Максвел Хаус, непочатая банка которого была кем-то заботливо приготовлена для него на кухонном столе. Holy moley, ну и гадость. Налил пойло в чашку, закурил сигарету, выключил свет. Смотрел в окно на все еще многочисленных прохожих, на яркие огни рекламы, подсвеченные вывески: турагенство «Синдбад Мореход», кофейня «Порт-Артур», рыбный ресто-

ран «Акула-Каракула», бутик «Московский Калигула», Торговый Дом «О. Бендер»... Денис подивился безграничной фантазийности названий. Только несколько часов в Москве, а уже сколько впечатлений! Многое предстоит увидеть и понять ему, пока он будет жить и работать здесь. И расслабляться ему никак нельзя, если он и дальше хочет достигать поставленных им самим высоких целей. Вот так, голубчик.

Несмотря на позднее время, да к тому же будний день, точнее, вечер, жизнь на улице не затихала, а скорее наоборот. Люди входили и выходили из ресторана напротив, машины толкались на мостовой, то и дело забираясь на тротуары, подвигая прохожих крутыми боками, стайка подростков, галдя, вышла из вестибюля метро.

«Ну да, это ведь центр, даунтаун, – подумал он. – Должно быть, средоточие ночной жизни».

Увлеченный разглядыванием жизни за окном, он не сразу заметил, что пошел снег. Снежинки падали медленно и неохотно, как бы стараясь всеми силами затянуть свой полет и неизбежное падение в жидкую уличную грязь, которая в свое время тоже была белым и чистым снегом.

Утром за Денисом заехал, как и обещал, водитель. До офиса действительно было рукой подать, однако, отстояв во всех пробках, как и положено москвичу, на работу к назначенному часу он опоздал. Его ждали. Офис был совсем маленький, размером едва ли больше его квартиры, и все постоянные сотрудники были на месте. Всего их было пятеро, не считая вновь прибывшего Дениса и уже известного ему водителя Сергея, или Сереги, как он сам себя именовал. С непосредственным руководителем московского офиса Ником О'Хара, огромным медведеподобным добродушным ирландцем, Денис уже имел удовольствие пообщаться по телефону, еще находясь по ту сторону Атлантики. Остальными сотрудниками являлись: корреспондент Джен – дружелюбная девица, одетая в одежду унисекс, без малейших следов косметики и вторичных половых признаков, с круглыми немодными очками на длинном носу; хмурая пожилая тетка, с трудом выдавившая из себя натужную улыбку («давно потеряла навык, голубушка», – отметил про себя Денис, в целом не любивший хмурых теток), тетка оказалась техническим редактором Линдой; и двое русских сотрудников: стройная светлорусая девушка с неидушим ей цыганским именем Рада и веселый толстяк Саша – журналист и переводчик, с которым Денис тоже уже успел накануне перебраться парой слов по телефону. Были еще внештатники, но сегодня никого из них в офисе не оказалось.

За исключением неприветливой Линды, сотрудники в целом производили благоприятное впечатление вполне вменяемых людей, что для начала было уже неплохо.

Глава 2

Год от Рождества Христова 1604 запомнился людям – и знати, и простонародью, – какой-то особой мерзостью, терпеть которую больше не было никакой мочи.

Неурожай, голод, страх перед божьим гневом, карающим Русь непрекращающимися несчастьями за покорность беззаконной власти царя Бориса, тщетно пытающегося откупиться от народа дармовым хлебом и деньгами, ставили под сомнение само существование русского государства. Казалось, что уж и фундамент, надежно замешанный на крови царем-батюшкой Иоанном Васильевичем, пошел губительными трещинами. Уж и соседи перестали трепетать перед теряющей силу державой, и свой народишко от рук отбил.

Слух о чудесном спасении царевича Димитрия гулял по Руси давным давно, то затихая, то снова разгораясь, будто угли в печи у нерадивой хозяйки, но вот, похоже, наконец-то слух обратился долгожданной явью. Вернулся к народу своему желанный наследник, радостно встреченный осиротевшими было подданными. Ненавистный царь и все его семейство с ужасом ждали своего конца, молясь в семейной часовне денно и ночью. Только на молитву да на божье чудо и оставалось им уповать. На поддержку же царедворцев, и уж менее всего, простолудинов расчета не было никакого. Как ни прикармливал и тех, и других Борис, как ни пытался достучаться до разума, раз уж невозможно достучаться до сердца, все было впустую. Нелюбимый и незаконный царь как ни старался, словно постылый супруг, не мог внушить любви чужим, не признавшим его холопам, а внушать страх претило ему самому. Народ же, еще во время кровавого царствования законного государя своего наглухо заклепав душу ради сохранности живота своего, стал во многом походить зверством, вероломством и недоверчивостью на богоданного, но, увы, покойного Грозного. Те бояре и крестьяне, что волею судьбы оказались подданными Бориса, были не только жертвами, но и покорными свидетелями, зрителями, а значит, и участниками многолетнего кровавого разгула безумного царя. Кровь замученных помутила разум и отравила душу выживших. Ни стыда, ни совести не осталось меж людьми, родному брату одалживали деньги под безбожные проценты и не считали это зазорным; только и ждали, когда близкий друг ослабнет, чтобы наброситься на него коршуном и заклевать, и вырвать последнее. Не чувствовали приязни и не верили ни отцу, ни брату своему, не то что невесть откуда взявшемуся Годунову, еще вчера бывшему одним из сотен бояр, ничем не выше и не лучше многих, вдруг нежданно-негаданно взлетевшему над ними. Только и поджидали многие и многие из них, когда же придет тот долгожданный час и можно будет накинуться безнаказанно на подобных себе, а главное, на тех немногих, что сохранили в себе, несмотря ни на что, человеческое достоинство и совесть, чтобы рвать их тело и добро на части. Где же тут было достучаться...

Выдвинувшиеся навстречу законному наследнику – враги же называли его самозванцем Гришкой Отрепьевым – воеводы Петр Шереметьев и Михаил Салтыков, наприсовишиеся на почетное поручение сами, без просьб или понуждения, с тем чтобы остановить его в стремительном продвижении к Москве, вероломно перешли на его сторону, не желая противиться «истинному государю». А в Москве уж по домам праздновали воскрешение богоданного царя и злорадствовали в ожидании неминуемой кары для побежденных – Бориса и всей его семьи.

Димитрий стоял у окна разноряженной горницы, с интересом наблюдая за суетой во дворе перед хоромами боярина Хрипунова в Серпухове, где остановился для отдыха и встречи с народом.

Только что прибыло новое посольство, в числе которого были и представители самой высшей московской знати: князь Мстиславский, князь Воротынский и трое Шуйских. Случилось так, что в это же время явилась и депутация донских казаков, чтобы оказать почет и заявить о своей верности новому государю. Недолго думая, Димитрий велел ввести донцов первыми.

Допустил до руки, обласкал. Только после этого разрешил войти боярам, был с ними холоден и суров, чтобы наказать за промедление в выражении верноподданничества. Скоро, очень скоро вернет он себе трон и шапку Мономаха, законное наследство отца своего Иоанна Грозного. Скоро свидится и с матушкой Марией Нагой, сможет обнять ее и получить родительское благословение. Матушка... Да признает ли она сына, не виденного более тринадцати лет? А ну как нет? Войско его, пусть большею частью польское и оплаченное из казны короля Сигизмунда, сейчас являет собой благородное воинство, поддержанное европейскими государями и благословенное на правое дело восстановления законной династии церковью – пусть и католической, а не православной. Да и православная, доносили ему верные люди, не откажется признать его как государя, дай только срок. Димитрию, положи руку на сердце, обе церкви были одинаково чужими: большую часть своей осмысленной жизни провел он у арианцев³ в Гоше⁴, выпитав их вероучение, а для обеих церквей арианская да социнианская вера всегда была поганой и гонимой ересью. Но церковная поддержка много значила по обе стороны границы. А случись, что мать не признает в Димитрии сына, его поддержка у других государей и, главное, собственного народа рухнет в одночасье, и с той же дикой радостью и восторгом, которыми толпа приветствует его сейчас, распахивая перед ним ворота своих городов и выдавая головой несогласных воевод, она растерзает самозванца, обманувшего ее чаяния.

Никому и никогда не признался бы Димитрий, что часто и сам он не был уверен, что он законный наследник, – оттого и страшился он встречи с матерью, оттого оттягивал воцарение в Москве. Тринадцать долгих лет скитался он по отдаленнейшим городам и поместьям России и Речи Посполитой, потеряв счет своим временным прибежищам, которые никогда не мог назвать Домом. Да, его вечно прятали и часто перевозили с места на место, но потому ли, что спасали от Борисовых ищеек наследника царского престола? А может, просто готовя его на роль Самозванца, которому намечено сыграть написанную кем-то для него роль, и для кого сам он, Димитрий ли, Григорий ли, не более как пешка в хитроумной игре в шахматы? Димитрий и сам любил переставлять фигуры на доске, но план для его партии уже расписан кем-то другим и ему неведом. Да не то что участь его, даже истинное имя его было ему неведомо, – так часто его называли разными прозвищами.

Часто силился он припомнить ранние годы свои, имя свое, но только разноцветные лохмотья воспоминаний приходили ему в голову, большую от непреходящей мигрени, да и не смог бы он поручиться, что то были воспоминания его собственные, а не байки о его раннем детстве, рассказанные ему воспитателями и попечителями, с тем чтобы осели они в его голове как настоящие. В свои двадцать лет Димитрий уже никому не верил и не доверял ничьим суждениям, пожалуй, что и своим. Из всех свидетельств своего царского происхождения осязаемым было только одно, сохранившееся – а точнее сохраненное – для него дядькой Афанасием Нагим и дьяком Андреем Щелкаловым: его детское ожерелье, широкое, во всю шею, сплошь расшитое жемчугом и драгоценными камнями, рубинами да изумрудами, – ожерелье, которое он помнил. Это ожерелье хранил он как драгоценную святыню и самое главное доказательство своей царской крови, пронеся через годы убогой монастырской жизни и скитаний на чужбине. Признает мать это ожерелье, своими руками когда-то надетое ему на шею, значит, признает и сына в невесть откуда взявшемся искателе престола. Скоро, совсем скоро наступит уже решительный час, ибо тянуть со вступлением войска в Москву нет более никакой причины и возможности, не вызывая пересудов. Дай Бог, чтобы он не пожалел об этом предприятии и не проклял день, в который родился.

³ Арианство – одно из ранних течений в христианстве в IV–VI веках н. э.

⁴ Гоша – часть Речи Посполитой, где было достаточно много ариан, у которых в Гоше одно время скрывался Г. Отрепьев; ныне – пгт в Ровненской области Украины, административный центр Гошанского района.

Помимо тревожных размышлений о собственной судьбе, беспокоили его и мысли о семье Годуновых, порой не дававшие ему покоя по ночам, мышинными коготками царапали по самой душе, возились, толкались, лишали сна. Тогда утром просыпался в подавленном настроении, и требовалось немалое самообладание, чтобы взять себя в руки и не скатиться в очередной приступ черной меланхолии, не показать приспешникам своей слабости. Иной раз думал, может, и впрямь лучше было бы ему остаться неизвестным смиренным монашком, листающим страницы умных книг в тишине монастырской библиотеки? Не было в нем отцовской жесткости и решительности, что тут поделаешь. Как ни настраивал он себя на враждебный лад, ненавидеть Годуновых не получалось. Как-то раз в Варшаве довелось ему видеть Федора Годунова⁵, что был там проездом. Показали ему Борисова отрока, чтобы разжечь азарт и ненависть к сопернику, который – уступи только Димитрий – унаследует от отца неправедным путем приобретенный трон. Федор ему понравился: крепкий, высокий, крутолобый, с открытым смелым взглядом. Учился он в Европе у англичан и французов всяким наукам и, говорят, преуспел много. Говорят, что был он самым способным из 18 юношей, отобранных Борисом для учебы за границей, с тем чтобы, выучившись и вернувшись домой, принесли бы они России много пользы. Юный Федор Борисович начертил первую карту России, и точнее той карты было не сыскать. Рассказывали ему также, что, поучившись в парижской Сорбонне, мечтал он об учреждении университета в своем Отечестве.

«Такого бы не в соперники, не в вороги, а в братья», – с тоской подумал Димитрий, но опасные размягчающие мысли отогнали советчикам в них, понятно, не признался. Примкнувшие бояре да воеводы, Бориса предавшие (и самого его предадут, иуды, дай только срок), просили не тревожить сердце о судьбе обреченных. Знал он, что это значит, да прямого приказа помиловать не отдал. За себя побоялся. Да и что теперь кулаками махать. Ничего изменить уже нельзя, а показать слабость – самому не сносить головы. Что так, что этак – выходило худо. «Страшно мне, Господи, помилуй мя».

⁵ Федор Борисович Годунов (1589 [1] — 10 (20) июня 1605) – русский царь с 13 (23) апреля по 1 (11) июня 1605 года, один из первых русских картографов. Его царствование – кратчайшее пребывание лица мужского пола на российском престоле.

Глава 3

Закрутила, завертела Дениса московская жизнь – только успевай поворачиваться. Влился он в творческий коллектив, как и предполагал с самого начала, легко. Не сложилось только с вечно недовольной Линдой, пилившей его за несоблюдение дат сдачи материала, ну да ею он легко пренебрег. Как говорила бабушка, «Семь лет мак не родил, а голода не было».

Москва праздновала наконец-то наступившую счастливую эру и поднимала бокалы с дорогим французским шампанским за открывающиеся перед ней блестящие перспективы. Новые дорогие бутики открывались каждую неделю, всемирно известные дизайнеры не вылезали с московских показов мод и презентаций коллекций.

Да и неудивительно: в Москве продавалось столько предметов роскоши, сколько не продавалось во всей Европе вместе взятой. Даже рынок Северной Америки сконфуженно притих, стесняясь тех жалких процентов, что показывали сводки продаж дорогих и – чего греха таить – в сущности ненужных вещей. Деньги в Москве лились не просто рекой – бескрайним нефтяным океаном. Их надо было где-то «парковать», как смешно выразился один из Денисовых новых знакомых, а разнообразие парковок было, однако, ограничено границами Московской кольцевой дороги, ну не считая, конечно, парковок заграничных.

Вот уж несколько лет вся Россия была поделена на регионы, или зоны ответственности, как их называли в прессе, несколькими государственными газовыми и нефтяными компаниями, которые были и основными работодателями, и бенефициариями⁶, и полицией и, само собой, составляли правительство новой крепнущей энергетической державы. И вопреки предостережениям либеральных, а также коммунистических и прочих кликуш, дела обстояли просто превосходно.

Буровые установки без устали качали черное золото, которое трудяги-нефтепроводы и танкеры бесперебойно поставляли покупателям как на Западе, так и на Востоке. Деньги от продажи топлива заграничным клиентам поступали в страну аккуратно и в больших количествах, и порой скуповатое в других вопросах государство охотно реинвестировало их в разведку все новых месторождений: источников новой прибыли и благополучия страны. Слава Богу, не обижена Россия природными богатствами, и будущее ее светло и радостно назло завистникам, кои у сильных всегда отыщутся.

Ненужные промышленные предприятия, не обслуживающие Энергетическую Отрасль и потому ставшие дорогостоящим балластом, были закрыты. Было признано целесообразным предложить всем занятым на них рабочим и служащим старше сорока лет выйти в «почетную отставку»: слово «пенсия» в отношении нестарых еще людей звучало политически некорректно; более молодым предлагалась переквалификация. Старшему поколению тоже шли навстречу, по их желанию и Отраслевой возможности. Желających, впрочем, оказалось не так уж и много, что власти заранее предвидели и чему были только рады, так как Отрасль не могла всосать в себя всех «высвобожденных». Уволенным в отставку, однако, не приходилось жаловаться на власти. Ежемесячно им выплачивалась определенная и вполне достаточная для существования сумма новых рублей, обеспеченных новым, черным золотом, которые они вольны были потратить на что душе их было угодно и, помимо этого, иметь сколь угодно времени в своем распоряжении.

Не вина правительства, что некоторые из них всем видам товаров и развлечений предпочли алкоголь, таких неудачников хватает при любой власти и абсолютно любом положении вещей, так что несправедливо было бы возлагать за это ответственность на власть. Несмотря

⁶ Бенефициарий (или бенефициар) – (от фр. *benefice* «прибыль, польза») – физическое или юридическое лицо, которому предназначен денежный платёж; получатель денег.

на некоторые шероховатости перехода к новой энергетической эпохе, народ в подавляющем большинстве своем проявлял лояльность и доверие к правительству, которые вызывали понятную зависть у правительств других, менее энергетически одаренных, стран.

Наконец-то страна заняла свое почетное место в ряду влиятельнейших государств мира, вот что было главное. Годы унижения и снисходительных взглядов остались позади, и народ был самым естественным образом преисполнен гордости и с оптимизмом смотрел в будущее.

Денис наслаждался бешеным темпом московской жизни. Москва действительно была городом молодых и энергичных. У нее была своя сумасшедшая, агрессивная энергетика, которая, как водоворот, звала, манила, хватала, с тем чтобы затянуть в свою бездонную воронку и уже не отпустить никогда. Эта энергетика, думал Денис, была почти осязаемой и уж точно видимой. По вечерам, когда на город спускались сумерки и гасло пыльное солнце, днем задымленное выхлопами машин, Москва продолжала освещаться каким-то странными пурпурными зарницами, ежевечерне вспыхивающими и гаснущими над бесконечными рядами многоэтажных жилых комплексов. Денис думал, что это, наверное, и есть самое наглядное доказательство связи материального и нематериального, когда невидимая энергия города так явно трансформируется в видимую, световую энергию всполохов. По крайней мере, так ему нравилось думать.

Днем город работал как проклятый, перерабатывая газовые и нефтяные потоки в денежные, перегоняя их с одних счетов банков на другие, с них на третьи, десятые, где они дробились, разделялись на тысячи послушных рек, речушек и ручейков, самым дисциплинированным образом устремленных туда, куда им указывали владельцы. Было очевидно, что часть их оставалась на родине – в Москве. Эти патриотично настроенные денежные потоки за какие-то несколько лет превратили унылый город однообразных панельных коробок в мегаполис с яркой, порой эклектичной и наивной, но все же своеобразной архитектурой и, безусловно, своим лицом. Пусть недоброжелатели говорили, что скопированы и перенесены на московскую землю были и строгие кварталы Лондонского Сити, и пирамиды Финансового района Сан-Франциско, и башни Манхэттена, и особняки Трастевере, и жилые небоскребы Шанхая, – все это вместе, искусно соединенное в единое пространство между собой и разбавленное уцелевшими архитектурными памятниками прежней, старинной Москвы, создавало неповторимое лицо новой столицы, как разномастные осколки стекла образуют пестрый и неповторимый узор в детском калейдоскопе.

Но самым любимым временем суток для Дениса стал вечер. Деловая суэта спадала, компьютер в головах старых и новых москвичей временно переводился в режим stand-by⁷ – наступало «личное время», для чего, собственно, днем качалась нефть, перегонялись денежные потоки, суетились люди. Дневной свет гас, и на смену ему приходил намного более яркий и притягательный искусственный – ночной. Переливались огнями витрины эксклюзивных бутиков и модных ресторанов, на рекламных щитах в режиме нон-стоп гонялись рекламные ролики, всю ночь карнавальным пожаром горели вывески. Среди молодежи было модно назначать свидания у самых больших и ярких щитов. Так и говорили: «встретиться у Эрменеджилдо Зенья», рекламируемого на Тверской голографическим мачо в рубашке за двести тысяч рублей, или же «у Ламборгини» – автомобиль, равный прибыли скромной нефтяной скважины, был на рекламе в Столешниковом как настоящий. Впрочем, ребяшня легко отличала Ламборгини от Бентли, так как и в реальном режиме недостатка в таких машинах в Москве не было. Много было представлено в столице хороших марок и много хорошей рекламы, не чета тому, что творилось до Возрождения, запущенного началом энергетической эры, и сейчас Москва могла дать сто очков вперед по-прежнему серенькой мышке Европе, хотя и там заметны были перемены к лучшему, принесенные туда владельцами нефтяных и газовых месторождений, как

⁷ Режим ожидания (англ.)

отечественных, так и ближневосточных. Единственное, что огорчало отцов города, это некоторое количество бедноты и даже, прости господи, бомжей и неимпозантных иммигрантов, от которых при всей действенности принимаемых мер никак не удавалось избавиться. «Что с ними поделаешь, мы же демократическая страна», – вздыхал градоначальник в телевизоре в ответ на упреки добропорядочных москвичей, требовавших очистить город от компрометирующих элементов. Кое-какие меры все же принимались: муниципальная полиция вместе с молодежными отрядами добровольцев-дружинников-«победоносцев», как их по-домашнему именовали в столице, не жалея сил патрулировали город, пытаясь очистить его от неприятных московскому глазу особей. Но сей труд был подобен чистке авгиевых конюшен, и прогресс был хотя и заметен, но нескор.

Вот уже полгода жил (да что там жил, – наслаждался, купался) Денис в московской жизни. Вся его домосковская жизнь казалась ему теперь напрасно убитым временем. Вот где теперь его дом, вот где он чувствует себя полностью свободным от комплексов и предрассудков. Надо бы почаще звонить родителям, да только что им рассказывать, все равно не поймут. Чтобы понять, надо это увидеть и почувствовать самому. Денис завел здесь новых друзей: как местных, так и экспатов, как он сам, которые так же, как и он, с энтузиазмом новичков впитывали в себя московскую атмосферу и заново учились быть не зрителями, а участниками короткого праздника жизни, средоточием которого стала столица новой России. Единственной ложкой дегтя в огромной медовой Москве был для Дениса вид тех самых камуфляжных «победоносцев» на таких же камуфляжных джипах, разрисованных славянской вязью и изображениями святого Георгия, поди уж замучившегося пронзать подлого гада.

Что-то в них безотчетно его раздражало: может, их ритуальные объятия между собой при встрече и то, что они с комичной серьезностью называли друг друга «брат», что невольно напоминало ему о чернокожих «bros»⁸ из Бедфорд-Стай «hoods»⁹, с которыми свела его как-то судьба на ночной улице в не такие далекие студенческие годы, или, может, их разрисованные автомобили, а может, контраст между общим бутафорским впечатлением, которое производили на него эти тонтон-макуты¹⁰, и абсолютно настоящим холодным оружием, которое они, как клонированные Добрыни Никитичи, горделиво носили на боку... Однако, нет в мире совершенства, и Денис быстро научился не замечать их: относиться к ним как к ветряным мельницам у себя в далекой Дакоте, которые своим видом, несомненно, портили пейзаж, но также несомненно приносили кой-какую пользу обществу; и неприятным видом этих клоунов, стало быть, можно было пренебречь, потому что в целом красочную картинку они портили не сильно.

Толстый Саша из редакции стал его верным Вергилием¹¹, да и то сказать, с непривычки без опытного проводника в животворящем хаосе московской жизни немудрено было и шею свернуть. Саша знал все о ресторанах, клубах, театрах, концертах, где и когда предполагается премьера, презентация, открытие, вернисаж, – вся эта полезная информация была аккуратно разложена у него в голове по полочкам, по рубрикам и разделам. У Саши был только один существенный недостаток: он не торопился вытаскивать кошелек, чтобы платить за свои удовольствия, эту черту в людях отец Дениса, бывало, остроумно называл «slow on the draw»¹². Об этом его предупредил с самого начала водитель Серега, лично пострадавший от практичного Санчо (как его за глаза называли в редакции) и сделавший для себя на будущее правиль-

⁸ Братья (англ., жаргонизм)

⁹ Районы (англ., сокращенно от neighborhoods)

¹⁰ Тонтон-макуты (фр. Tonton Macoute; гаит. креольск. Tonton Makout), также Добровольческая милиция национальной безопасности (фр. Milice de Volontaires de la Sécurité Nationale) – гаитянское военизированное формирование и ультраправая политическая группировка.

¹¹ Публий Вергилий Марон (лат. Publius Vergilius Marō), очень часто просто Вергилий (15 октября 70 год до н. э., Андес близ Мантуи – 21 сентября 19 год до н. э., Брундизий) – один из поэтов Древнего Рима.

¹² Медлительный, не очень сообразительный человек (англ., идиома)

ный вывод: никогда не пить с ним пива. Таким образом, Денис знал, на что шел, сопровождая нового приятеля в набегах на злачные и прочие приятные места столицы, и не делал из этого проблемы, временно включив Сашу в список неизбежных коммунальных трат. Несколько раз он даже исхитрился списать добровольно принятый на себя «налог на Сашу», включив его в список операционных расходов. Ник, сидевший за столом, просматривая финансовые документы (что не было его сильной стороной), тем не менее, заметил необычную статью, удивленно поднял брови и наморщил лоб, с укоризной глядя на Дениса, и от этого еще больше стал похож на медведя, обиженного тем, что вместо сахара ему подсунули белую горькую пилюлю. Денис пожал плечами: «Так ведь для пользы дела... Не во всякий клуб попадешь с улицы, а обзорную статью „Moscow Nightclubbing“ хотели печатать на этой неделе...» Ник вздохнул и подписал, но все же молча погрозил ему пальцем. Не злоупотребляй, мол.

В приятелях у Дениса недостатка не было, а вот постоянной подруги пока не появилось. Не то чтобы он вел жизнь схимника, упаси Бог, в записной книжке появился уже с десяток телефонов, и охранники привыкли к его возвращению домой в компании то одной, то другой симпатичной особы. В списке были как приличные самостоятельные девушки, так и куколки, которых он подбирал то в клубах, то в ресторанах, то на презентациях: нередко, проснувшись утром, он не сразу мог вспомнить, кто же это сладко спит рядом и где он ее нашел. Но ах, как же хороши были московские девушки, как красивы, как стильно одеты и как доступны! Казалось, что секс стал не переменным и даже не слишком значительным атрибутом любого романтического знакомства, он даже неким образом предполагался после первого же дня знакомства, так что порой Денису самому приходилось вежливо отклонять предложение выпить кофе у него дома под каким-либо благовидным предлогом. Девушек много, а он один, а утром еще и на работу.

Целью и, как принято говорить, «миссией» газеты было освещение всех сторон жизни Москвы: не только внешней и яркой, что так зачаровала Дениса и на которую он бросил все силы своей молодой души и молодого тела, – но также и изнаночной.

Эта изнаночная сторона была связана с постоянным отстаиванием московского суверенитета, в некотором смысле перманентной обороной его от остальных менее цивилизованных территорий, что напоминало титаническую защиту Римской империи от напористых варваров-соседей. Тяжелого, хотя и невидимого глазу труда требовало и поддержание приемлемого уровня безопасности, что было делом непростым: достаточно вспомнить неуправляемую разношерстную таксистскую братию. Казалось бы, левое дело организовать их в цивилизованный таксопарк, ан нет, никак не удается разрешить конфликт интересов. Построили суперстолицу, на каждом шагу навороченные городские видеокамеры следят за порядком, а тут каждый раз неудача... Ходили слухи, что от них кормятся сами «победоносцы», а там, кто их знает. Ну да Москва не сразу строилась.

Выбрался он как-то раз в гости к Сергею. Из любопытства. На пригород в понимании западного человека это действительно было не очень похоже. Скорее наоборот, похоже на inner city¹³ на исторической родине, в «Юнайтед Стейтс оф А». За кольцевой дорогой натыканы были КПП, но полицейские не обратили на них никакого внимания. «Погоди, – успокоил Сергей. – Вот поедешь назад, еще как обратят». Контраст с Москвой, находящейся всего милях в семидесяти от Серегоино дома, был действительно разительный. Многополосный, идеально гладкий фривэй¹⁴, освещенный сотнями ярких огней фонарей и разделительных полос, без предупреждения окончился колдобинами, бетонными безликими коробками, грязноватыми улицами, газонами с проплешинами. Денису это живо напомнило пограничные с южной Калифорнией районы Мексики. Двадцать миль по шоссе – и пропасть, разделяющая первый и все остальные

¹³ Старая, центральная часть города (англ.)

¹⁴ от freeway, скоростная автострада (англ.)

миры, лежала наглядной иллюстрацией прямо перед глазами. «Руки до всего не доходят, – хмуро пояснил Сергей. – Скоро официально включают в состав Москвы, передвинут границу – тогда все и переменится, дай срок. Да ты еще не видел, что творится дальше».

– А что там?

– Что, что... Регионы, вот что... Тоже люди живут, да только их к нам стараются не очень пускать, чтобы не дразнить. Все хотят жить красиво, а Москва-то не резиновая, – буркнул Серега. – Потому в Москве и паспорта свои ввели, а без паспорта нечего здесь чужим делать, иначе одни беспорядки получаются. Было много проблем с этими приезжими, пока не додумались ужесточить правила въезда. Теперь, чтобы чужому попасть в Москву, у него должна быть уважительная причина, а без дела что ж шастать... У меня у самого пока паспорт временный, но скоро обменяют на постоянный, – похвастался Сергей. – Вам, экспатам, свой вид на жительство выдают. Кстати, покажешь его на КПП полиции, когда назад поедешь. С этим у нас строго.

– Интересно было бы посмотреть на регионы.

– Посмотришь еще, не торопись, да только тебе там самому не понравится, – фыркнул Серега.

По темной лестнице поднялись к Сергею на третий этаж. Дверь открыл отец Сергея, Юрий Николаич, нестарый еще мужчина с близорукими карими глазами и какой-то не по возрасту шаркающей походкой. Мать заранее накрыла стол и ушла в ночную смену на хлебозавод. По этой причине компания образовалась чисто мужская, что, казалось бы, должно было расположить к душевной откровенности, особенно после нескольких рюмок домашнего смородинового вина, которым хозяин непременно хотел удивить гостя.

Беседа, однако, не заладилась. Юрия Николаевича постоянно сносило к воспоминаниям о заводской молодости, где он прошел честный путь от рабочего до мастера, и сына это раздражало. Похоже, что это был долгий, непрекращающийся спор поколений, не слышащих друг друга.

– Ну, завел шарманку, – кисло сказал Серега. – Не понимает мой отец, что мир изменился и самому надо меняться. Не понимает государственной целесообразности, – пожаловался он Денису. – Кому теперь нужны ваши сенокосилки, или что вы там мастерили... Совок закончился. Скажи спасибо, что переучили на бухгалтера, а то сидел бы сейчас дома, смотрел сериалы.

– Так я же заводской, я работать по специальности хочу!

– Нет больше такой специальности, – отрезал Серега. – Есть такое понятие – целесообразность, сколько раз тебе говорить...

За столом повисла неловкая тишина. Мальчишник, похоже, не удался. Денис выпил еще рюмочку «смородиновки», чтобы утешить хозяина, и засобирился домой, ссылаясь на долгий путь назад и вездесущий «трафик».

Он медленно спустился на улицу по лестнице, насквозь пропахшей кошками. Сел в машину, повернул ключ зажигания, открыл окно. Посидел несколько минут, прислушиваясь к тишине на улице. Тишина была такая, что Денис, казалось, слышал собственный ток крови, как когда-то в детстве, когда к уху прикладывал морскую раковину, надеясь услышать рокот океана.

Салон наполнился тревожащим сладко-горьким ароматом черемухи, в свете фар кустарник с его махровыми белыми гроздьями казался серебряным с чернью.

«Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За рекой знакомый голос слышится,

И поют всю ночь там соловьи,» – промурлыкал себе под нос Денис, не слишком музыкально, в чем, впрочем, не было большой его вины.

Своим скудным русским музыкальным репертуаром до переезда в Москву он был обязан бабушке, которая отличалась полным отсутствием музыкального слуха. В связи с этим уловить мелодию в ее исполнении было делом бесполезным. При этом у бабушки было несколько любимых песен, знакомство с которыми она считала обязательной частью изучения внуком языка и культуры утерянной родины. Помимо «Черемухи» и «Сормовской» она научила его песне про Акульку – конечно же, шуточной, как сердито объяснила бабушка Денису в ответ на его удивленный вопрос. Песня была такая:

«Помнишь, Акулька, мгновенье,
Первую нашу любовь,
Первое наше свиданье
И волновавшую кровь.
Я тебя, дуру, лопатой
Крепко огрел по спине.
Крикнувши: «Черт полосатый!»
Ты улыбнулась мне.»

Следующие куплеты бабушка забыла, и развязка любовной драмы навсегда осталась для Дениса тайной, впрочем, как и мелодия...

На душе у него потеплело, как всегда, когда он вспоминал бабушку. Что-то бы она сказала, если бы узнала, как резко он переменял жизнь, и что сейчас он находится не далее чем в каких-то 100 милях от ее родного городка. Надо бы съездить и посмотреть, поснимать... Не забыть спросить Ника, нужно ли для этого разрешение. Это ведь теперь, наверное, тоже регион?

Денис глубоко вдохнул чудесный черемуховый аромат, тонким слоем беспокойства легший на уже привычное ощущение перманентного московского праздника.

Глава 4

Ей часто снились плохие сны. Даже не то чтобы плохие, но тягуче-непонятные, после которых при пробуждении оставался тяжелый, неприятный осадок. Требовалась не одна чашка кофе, чтобы стряхнуть с себя эту гадость, подобно тому как, случайно наступив на собачье дерьмо, долго потом вытираешь подошву о траву, безнадежно при этом понимая, что все равно притащишь «это» домой.

Все это было следствием той легкой душевной подавленности, из которой она не могла выйти – да не очень-то и старалась – уже столько времени. Хотя депрессией, пожалуй, это было не назвать. Ее состояние не мешало ей жить более менее обычной жизнью человека, не ждущего от жизни многого. Просто жила она как бы в четверть силы. Есть такие приборы, диммеры, которые регулируют яркость освещения в помещении. Так вот она жила как бы при самой малой яркости. Так она объясняла это себе, и даже не делала над собой усилия повернуть диммер дальше по часовой стрелке.

Это состояние непреходящего смятения, начавшегося значительное ранее, с момента автомобильной аварии, в момент унесшей жизни ее родителей, и которое обострилось после банальной полосы неудач, апофеозом которых явился разрыв с любимым человеком, о котором до сих пор было невыносимо вспоминать. Она была слишком серьезным человеком и давно уже не ребенком, чтобы потеряться из-за этой житейской, в сущности, истории. Однако, ведь поди ж ты, одна капля дегтя за другой незаметно превратили ее жизнь в благополучное, но черно-белое существование.

Она мечтала когда-нибудь уехать на далекий остров в Греции. Когда-то давно, в детстве, ей подарили переводную книжку с картинками. В книжке рассказывалось о проделках маленького греческого мальчишка, не то Никоса, не то Костаса; все события разворачивались на островах под смешным названием Киклады. Собственно текст тут был вторичен, картинки же поразили воображение городской девочки, никогда до этого не видевшей южного моря.

Незамысловатый детский сюжет давным-давно стерся из памяти. Однако не стерлось яркое-яркое синее море, белые коробочки домов с синими – под цвет морю – ставнями, каменистый пейзаж, кое-где украшенный яркими кляксами бугенвиллий¹⁵ синее-синее небо, в которое, казалось, вливалось Эгейское море. Синева и покой – вот с чем ассоциировались у нее острова. В самих названиях их: Парос, Наксос, Сирос, Андипарос – скрывалось обещание нездешней, далекой умиротворенности и мудрости. Если где-то они и есть, то, должно быть, там, где кончается земля и начинается море. Насколько видит глаз – одно только море, Гомеровское, античное и вечно юное.

«Бессонница, Гомер, тугие паруса.

Я список кораблей прочел до половины.

Тот дивный выводок, тот поезд журавлиный,

Что нал Элладю когда-то поднялся»...

Она была почти уверена, что несчастный Мандельштам в душе грезил о тех же островах. Почти – потому что она никогда и ни в чем не была уверена до конца, нерешительность была ее врожденным пороком, и она сама знала это про себя. Например, самой ей, в отличие от Мандельштама, никто не мешал сесть на самолет и уже через каких-то три-четыре часа увидеть каменистые острова, похожие на розовые жемчужины в обрамлении ослепительного аквамарина. Она много путешествовала, в том числе объездив и почти все любимое ею Среди-

¹⁵ Бугенвиллия – цветущее комнатное растение, которое может вырастать до огромных размеров.

земноморье, но Грецию старательно избегала. Причина была до смешного банальна: она боялась разрушить ту придуманную ей для себя волшебную сказку, что так будоражила ее воображение, что помогала просыпаться по утрам, идти на работу и даже работать, не выделяясь на общем оживленном офисном фоне. Но когда-нибудь настанет день, и она встретит перламутрово-розовый рассвет и увидит, как только что проснувшееся солнце встает над светлеющим Эгейским морем, прошивая его золотыми нитями лучей, и при этом между вами – никого. Так думалось ей. Листая журналы и натываясь на рекламу туров в Грецию, она торопливо переворачивала страницу. Она не позвонит им. Она боялась разочарования. Она оттягивала эту встречу, как оттягивают встречу с человеком, встреченным на сайте знакомств или форуме по интересам. Все же понимают, что пошлый дурак, который, только пожелай, будет ждать тебя в указанном месте с модными в новом сезоне зелеными гвоздиками в руке, будет совсем не тот умница и красавец-мужчина, которого вы нарисовали в своем воображении. Как можно подвергать хрупкую мечту такому опасному испытанию! Если она разлетится вдребезги, что будет поддерживать ее в пасмурной череде будней? Что если чудесные острова на поверку окажутся нагромождением тяжелых пыльных камней, поросших колючками и обжитых преимущественно звонкими кузнечиками и молчаливыми серо-зелеными, будто замшелыми, гекконами, не по какому-то неведомому ей недосмотру, а просто потому, что больше эти камни никому не интересны. «И все же когда-нибудь я решусь, – говорила она себе. – В один прекрасный день я улечу туда, поселюсь в маленьком белом доме с синими ставнями, из которого будет видно море и соседние розовые острова. Я заведу себе собаку, и по утрам и вечерам мы будем выходить с ней на берег, встречать и провожать солнце и радоваться каждому новому дню, как празднику...»

При всей критичности подхода к действительности, политика была ей чужда. Она не была бойцом, к собственному своему стыду. Наверное, в силу все той же врожденной нерешительности. Даже в самых очевидных для других людей ситуациях ей казалось невозможным ответить на сакраментальные русские вопросы «Что делать? И кто виноват?» Гипертрофированная способность смотреть на вещи с различных позиций лишала ее возможности сформулировать окончательное личное мнение. Чем больше она думала о проблеме или ситуации, тем туманнее она ей представлялась, принятие же осмысленного решения становилось уже просто невозможным. Так бывает, когда повторяешь какое-то слово много раз подряд и вдруг замечаешь, что звучит оно абсурдно, а смысл его полностью утерян.

Ей всегда было легче уйти молча, не то чтобы уступив, но не ввязавшись в бой, любой бой, даже если он имел форму дискуссии. Уйти, не привлекая ненужного к себе внимания, которое ее смущало в обычных ситуациях. Можно это назвать по-другому: малодушно сбежать. Она знала за собой эти недостатки и внутренне стыдилась их, скрывая свой стыд и свою растерянность за фасадом внешней самоуверенности, граничащей с высокомерием. А если добавить к этим недостаткам склонность разговаривать с собой, да порой еще и вслух, картина вырисовывалась просто-напросто патологическая. «Совсем неудивительно, что Марат ушел, – думала она иногда. – И правильно сделал, зачем такому блестящему человеку, как он, очкастая, неуклюжая, закомплексованная девица...» Все это было, конечно, объективно не совсем так: неуклюжей она никогда не была, очки – в дизайнерской оправе – надевала редко, а в основном носила линзы, и мужское внимание было ей так же привычно, как вид из окна собственной спальни. Образ гадкого утенка, на короткое время осчастливленного белым лебедем, не отражал действительности. Но факт оставался фактом – Марат ее бросил, и это приходилось признать.

Она внимательно присматривалась к новому сотруднику, недавно переведенному в их московский офис. В целом он производил впечатление неглупого и любопытного человека, в прямом смысле любопытного. Она очень ценила в людях это качество – любопытство. Именно им она извиняла его чрезмерный интерес к здешней мишуре, которая ее не только

не привлекала, а даже раздражала, как раздражает хруст попкорна в кинозале, где показывают серьезный фильм, не давая сосредоточиться на главном.

Он был привлекателен внешне, по-русски сероглаз, по-американски высок и мощно сложен. Наверное, он был моложе ее года на два, на три, прикинула она на глаз, хотя, судя по шенячьему энтузиазму, буквально сочившемуся из него, может быть, и больше.

Ник определил ему временный участок работы – освещение культурной и светской жизни столицы, все более превращающейся в отдельное государство в государстве, со своим стилем и уровнем жизни, своими обычаями и традициями, своим отдельным правительством и дополнительными к общероссийским московскими паспортами, заветной мечтой любого немосквича. По крайней мере, так думали москвичи, ощущающие себя чуть ли не отдельным народом, стоящим на более высокой ступени развития, чем соседи. Незаметно втянув в свою орбиту территорию Ближнего Подмосковья, отгородившись Кольцом от остальной России и выставив посты, Москва по размеру догнала Бельгию, по численности населения – Италию, ничем не уступая, а то и перегоняя их по уровню благосостояния. Вместе с территорией мегаполис, как пылесос, всосал в себя самых энергичных, пробивных, одним словом, «дельных», как здесь любили выражаться, людей из всех уголков России. Однако, двери для неповоротливых уже практически были закрыты.

Москва стала огромным офисом по обслуживанию энергетических и соответствующих денежных потоков, но было похоже, что дальнейший набор сотрудников временно прекращен. Корпорация была укомплектована. Москва стала ощущать себя практически отдельной независимой страной, метрополией, питающейся, однако, от окружающих ее полуколониальных территорий и высокомерно принимающей это как должное.

За границы Москвы Денис еще не выезжал, ни разу об этом не заикался, и казалось, что и не стремился. Раду это удивляло, так это шло вразрез с его обычным любопытством, которому не было предела в отношении других тем, в том числе женщин. Что он был бабником, перестало быть секретом уже через пару недель, когда на сотовый телефон Дениса полился дождь звонков от новых подружек, которых Денис для удобства одинаково именовал «sweetheart¹⁶». Толстый Санчо открыто завидовал, зануда Ник качал головой, Серега одобрительно ухмылялся. У самой Рады по этому поводу чувства были самые смешанные.

У них сложились приязненно-безразличные отношения, которые по определению никогда не переходят ни во что большее. Раздражение, злость, соперничество, как ни странно, легко могут перерасти в любовь, потому что в основе этих не самых похвальных чувств все же лежит скрытый интерес к «объекту», который изначально занимает некое место в вашем сердце. Однако, ничто не лежит дальше от любви, чем приязненное безразличие.

Рада сама не знала, радоваться или огорчаться отсутствию интереса к противоположному полу – даже к самым элитным его представителям, – которое прочно с некоторых пор поселилось в душе. После крушения ее надежд на личное счастье с человеком, из-за которого она когда-то потеряла голову, она не просто не хотела, но смертельно боялась повторения истории, через которую уже прошла однажды. В своем сердце она уже похоронила и ту давнюю потерю, и свою любовь, для надежности взгромоздив на могилу неподъемный камень прощения.

Огорчалась она единственно потому, что пустота и покой в душе еще раз подтверждали ее вывод о себе как о перегоревшей лампочке: с виду целая, но на самом деле отработанная, бесполезная вещь. «Ну и пусть, так оно спокойнее, а прошлого все равно не вернешь», – так думала она про себя.

Сидя за столом и разбирая заказы на размещение рекламы – одна из ее обязанностей и вечная головная боль Ника, – она поглядывала на Дениса, стучавшего на компьютере за столом напротив в один из его нечастых присутственных дней, и внимательно прислушивалась

¹⁶ Дорогая, возлюбленная (англ.)

к себе, екает что-нибудь внутри при виде сексапильного экспата или нет. Не екало. И слава Богу.

В тот знаменательный понедельник Ник вызвал Дениса к себе в кабинет, едва тот успел переступить порог офиса, как обычно, немного опоздав. Он только что купил себе машину и теперь заново учился водить. Да-да, водить машину в Москве было чем-то сродни Формуле-1, скрещенной с развлекательным шоу «Езда без правил», потому что правила дорожного движения в Москве можно было вовсе не соблюдать при условии достаточной финансовой состоятельности. Достаточной, чтобы откупиться от постового. Поскольку постовые брали недорого, правила не соблюдал никто. Денису это даже нравилось, потому что щекотало нервы. Это было похлеще езды в Неаполе, где он раз попал в аварию из-за собственной ограниченности, остановившись на пустом перекрестке на красный сигнал светофора и спровоцировав, таким образом, аварию, как ему чуть позже объяснил эмоциональный неаполитанец, буквально нанизав свой выдавший виды Фиат на Денисову Хонду, взятую напрокат. С места происшествия Денис едва унес ноги.

Сотрудники местного Рент-А Кар также заняли сторону земляка и никак не могли взять в толк, зачем же он все-таки остановился на пустом перекрестке. Происшествие вылилось Денису в крупную сумму. «When in Rome, do as the Romans do¹⁷». Иными словами, сам виноват, дурень.

Вывод Денис, однако, из злключения сделал правильный и, поселившись в Москве, на всякий случай выбрал внедорожник: и уважения на дороге, и шансов уцелеть в ДТП неизмеримо больше, а «береженого Бог бережет», снова вспомнилась любимая поговорка бабушки.

Короче, московская жизнь открылась Денису еще с одной своей адреналиновой стороны, которую он радостно принял. Конечно, он не собирается давить пешеходов на перекрестке, как некоторые местные аборигены, этого ему не позволит воспитание, но игнорировать на трассах ограничения скорости – ей-Богу, в этом есть нечто привлекательное для настоящего мужчины, своеобразный мачизм, к которому, что бы там ни говорила политкорректность, так отзывчивы женщины. Помимо эмоционального удовлетворения, приобретение автомобиля дало Денису отличную отмазку для вечных опозданий на работу. «Трафик», – объяснял он Нику, даже если пришел на работу пешком.

Войдя в кабинет к Нику, Денис сразу заподозрил неладное. Ник сурово посмотрел на сотрудника, поерзал в кресле, взглядом указал на неудобный стул напротив.

– Хочу послать тебя в командировку в Сибирь. Похоже, там происходят какие-то важные тектонические сдвиги, в политическом смысле слова. Мне нужна более точная информация, из первых рук... Хочу напомнить тебе, что нашей целевой аудитории местный гламур интересен постольку поскольку. Ей интересно знать, чем живет и дышит другая, негламурная Москва и остальная Россия, что за процессы идут сейчас в стране, куда она движется, что готовит ей будущее, и что готовит она миру, – вот что важно. Заметил, наверное, что мы публикуем не только твои опусы о ночной жизни? Думаю, тебе и самому будет интересно.

– Конечно, я готов. Когда надо ехать? – с неискренним энтузиазмом спросил Денис. Во-первых, он хотел переменить тему «опусов» на более безопасную, а во-вторых, на выходные он устроил себе два свидания с двумя разными девушками, и теперь надеялся, что ехать до понедельника не придется, чтобы успеть уделить внимание обеим.

Ник вдребезги разбил его планы.

– Завтра утром. Билет на самолет на твоём столе. А вот рекомендательное письмо к отцу Алексию, настоятелю монастыря в Сибирске. Очень интересный человек, когда-то бизнесмен, затем крупный чиновник, круто поменявший карьеру и теперь вновь отстраивающий Сибирь-

¹⁷ «Когда находишься в Риме, поступай, как поступают римляне.» (англ., дословно; эквивалент в русском языке – «В чужой монастырь со своим уставом не ходят.»)

ский край. Меня с ним познакомили, когда он еще был москвичом, и я уверен, что он меня не забыл. Поедешь, познакомишься, проанализируешь и напишешь. Пары недель, думаю, вам будет достаточно.

Заметив вопросительный взгляд Дениса, пояснил: «Едете вместе с Радой. Так будет лучше, – сказал Ник, не вдаваясь в подробности. Все, иди собирайся, – и показывая, что разговор окончен, уткнулся носом в компьютер.

Денис вышел из кабинета, увидел пустой стол Рады. «Вот ведь тоже, партизаны, – подумал незлобливо, – могли бы хоть заранее сообщить». Взял билет со стола. Ну естественно, эконом-класс, кто бы сомневался.

Глава 5

Солнечный полдень 20 июня 1605 года, казалось, радовался вместе с москвитями долгожданному вступлению царя Димитрия в древнюю столицу. Димитрий же сам, как красно солнышко, улыбался своим подданным, приподнимаясь на стременах, окруженный пышным поездом из разнаряженных стрельцов в красных расшитых золотом кафтанах, гордо поглядывающих по сторонам польских гусаров, торжественных и величавых православных священников.

Радостно встречали царя-батюшку жители столицы: стоя на коленях, во весь голос желали ему вечно здравствовать бородатые мужики; мальчишки оседлали деревья, чтобы лучше было видать, раскрыв рот глазели на царский кортеж; девки и бабы в нарядной одежде выглядывали из-за спин отцов и мужей, бились в пыли юродивые, – простой люд приветствовал своего государя. В первую минуту такая встреча ошеломила Димитрия: хоть и ведал, что желанен московскому люду, но не ожидал такого ликования. Немного тревожился поначалу, ожидая вот-вот услышать чей-нибудь голос, обличающий самозванца, признающий в нем Григория ли Отрепьева, сына ли Батория, итальянского ли графа-авантюриста – последнего, должно быть, из-за некой смуглости лица... Каких только слухов ему ни доносили! Что делать тогда? Слава Создателю, ничего подобного не случилось, зря боялся. Немногочисленных сторонников Бориса – коварного изменника, ужом вползшего сперва в доверие к Иоанну, а затем и на самый трон его, – уже успели кого перебить, а кого пораспихать в ссылку, куда подальше, лишь бы с глаз долой. Самого Патриарха Иова, поднявшего голос в защиту Годуновых, скрутили прямо во время службы в Успенском соборе и в простой телеге бесчестно отвезли в захудалый монастырь в Старице. Чернь поразграбила да поразнесла дома несчастных, постаралась на славу, напробовавшись дорогих вин в подвалах Борискиных любимцев. Вот ведь как оно повернулось.

Ехал Димитрий по немощным московским улочкам, мимо разукрашенных хором бояр да невидных домишек простолюдины, крытых где тесом, а где и соломой, любовался на зеленые перелески и вишневые сады, что сильно красили облик города, придавая ему милый сердцу домашний вид. А и полюбоваться в Москве тоже было чем. То и дело проезжали мимо бесподобных бело-голубых церквей и церквушек, а то и целых белых островков многих монастырей, купола которых, щедро изукрашенные золотом, словно огонь горели на солнце. Весело стало на сердце у Димитрия. Православная столица встретила его, как и мечталось. Царевич пообвык, успокоился.

– Подымитесь с колен, люди добрые, – ласково обратился к народу. – Подымитесь, и будем вместе молиться Господу нашему, возблагодарим Его за милость великую.

– Слався, государь Димитрий Иоаннович, а мы вечно, холопы твои, Бога за тебя молим.

Проехали мимо разоренного Борисова дома. Димитрий помрачнел, резко повернулся к князю Масальскому: «Спалить». Чтоб и не напоминало. Знал уже, что из Годуновых уцелела одна лишь дочь Бориса Ксения. Уберег ее князек «токмо ради потехи повелителя», как сам хвастался Димитрию, «уж больно хороша царевна, неужто такой красе пропасть впустую», – ухмылялся гнилыми зубами, пес. Более всех жалел Димитрий Федора, сказывали ему, защищался он храбро и продал свою жизнь задорого, прихватив с собою особо ретивых казнителей. Царствие ему небесное. Видит Бог, не желал Димитрий ему гибели, да видать, так злосчастному отроку на роду было написано, ответил он за грехи родителя. Димитрий истово перекрестился на церковный крест, широко, по-русски. Православное окружение тут же спешно закрестилось следом. Иуды.

По обычаю, остановилась у Лобного места, где всего несколько дней назад Василий Шуйский, стародавний следователь по Угличскому делу, лично подтверждал народу несомненность

смерти царевича Димитрия и такую же несомненность самозванства претендента на трон русских царей. Сейчас же Шуйский раболепно впился взглядом в смуглое лицо, ожидая малейшего знака государя, готовый на все, чтобы угодить. Ведь чудом избежал гибели, промедли еще несколько дней с посольством – и быть бы ему на Лобном месте со товарищи главным действующим лицом. Уберег Господь.

Благовещенский протопоп Терентий, которому за особую речистость доверили приветствовать нового царя, говорил положенные слова искренно, прочувствованно.

Со слезой испрашивал у государя прощения народ, что по детской доверчивости своей пал жертвой коварного обмана и лжесвидетельства. Димитрий слушал внимательно, сочувственно. Вытолкнули вперед злоумышленников, что пытались готовить заговор против него по вступлении в Москву. Посмотрел сурово на павших ниц злодеев, выдержал страшную минуту – и явил милость, отпустил с Богом, никого казнить не повелел, чем чрезвычайно разочаровал толпу, алкавшую давно не виданного зрелища. Неужто отойдет от обычая родителя своего? Неладно это.

Димитрий и сам понимал, что совершает ошибку: не пристало сыну Грозного прощать преступления, да бывало находили на него приступы мягкосердечия, когда не удавалось ему проявить должную суровость, которой, пожалуй, и не чужд был в иную минуту. Частые перепады настроения были свойственны Димитрию, сколько он себя помнил. Из-за падучей, что была его все младенчество. Так объяснил ему немецкий лекарь, что лечил его в Гоше от черной меланхолии. Но склонности к отцовской жестокости не было у него, пожалуй что, никогда. Да не к лицу она государю, открывающему новую эру в истории истерзанной страны. Видел себя порой русским Марком Аврелием, благородным и добросердечным государем. Вот и сейчас: помиловал Шуйских, будто Марк Аврелий когда-то заговорщика Авидия Кассия¹⁸

¹⁸ Гай Авидий Кассий (лат. Gaius Avidius Cassius, ок. 130, Кир, Сирия – 175 гг., Египет/Сирия) – римский узурпатор, недолгое время правивший в Египте и Сирии в 175 году; Кассий был полководцем императора Марка Аврелия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.